

УДК 343.13

**В РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ЕЛЕНА РАФАИЛОВНЫ РОССИНСКОЙ
О СПЕЦИАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЗНАНИЯХ**

Елена Александровна Зайцева

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
zaitceva-expert@rambler.ru

Елена Рафаиловна Россинская

Аннотация. В статье проведен анализ нормативной регламентации областей специальных знаний в российских законах, выявлено сходство и различие в регулировании сфер специальных знаний для случаев назначения судебной экспертизы в некоторых видах судопроизводства. Показано, как изменилось с 2020 г. законодательство о Конституционном Суде Российской Федерации относительно назначения правовых экспертиз, которые разрешено проводить только по вопросам международного или иностранного права. Данные изменения сопоставлены с судебной арбитражной практикой, исключавшей с 2014 г. возможность проведения правовых экспертиз по вопросам отечественного права. Указанные обстоятельства, по мнению автора статьи, отчетливо демонстрируют тренд на сужение сферы назначения правовых экспертиз, в том числе судебно-нормативных. Это обусловлено широким внедрением в правоприменительную практику справочно-правовых систем, позволяющих получать необходимую правовую информацию в актуальном формате и ретроспективе. Аргументируется, что привлечение для консультаций по правовым вопросам специалистов является легальной перспективной формой использования специальных юридических знаний в любых видах судопроизводства.

Указанные обстоятельства, по мнению автора статьи, отчетливо демонстрируют тренд на сужение сферы назначения правовых экспертиз, в том числе судебно-нормативных. Это обусловлено широким внедрением в правоприменительную практику справочно-правовых систем, позволяющих получать необходимую правовую информацию в актуальном формате и ретроспективе. Аргументируется, что привлечение для консультаций по правовым вопросам специалистов является легальной перспективной формой использования специальных юридических знаний в любых видах судопроизводства.

Ключевые слова: специальные юридические знания, правовые экспертизы, судебно-нормативные экспертизы, заключение специалиста, консультационная деятельность специалиста

Для цитирования: Зайцева Е. А. В развитие идей Елены Рафаиловны Россинской о специальных юридических знаниях // Судебная экспертиза. 2024. № 3 (79). С. 8—19.

© Зайцева Е. А., 2024

**IN THE DEVELOPMENT OF ELENA RAFAILOVNA ROSSINSKAYA'S
IDEAS ABOUT SPECIAL LEGAL KNOWLEDGE**

Elena Aleksandrovna Zaitseva

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
zaitseva-expert@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the regulatory regulation of areas of special knowledge in Russian laws, reveals similarities and differences in the regulation of areas of special knowledge for cases of appointment of forensic examination in some types of legal proceedings. It is shown how the legislation on the Constitutional Court of the Russian Federation on the appointment of legal examinations, which are allowed to be conducted only on issues of international or foreign law, has changed since 2020. These changes are compared with judicial arbitration practice, which since 2014 has excluded the possibility of conducting legal examinations on issues related to domestic law. These circumstances, according to the author of the article, clearly demonstrate the trend towards narrowing the scope of appointment of legal examinations, including forensic regulatory examinations. This is due to the widespread introduction of legal reference systems into law enforcement practice, which allow obtaining the necessary legal information in an up-to-date format and retrospectively. It is argued that the involvement of specialists for legal consultations is a legal promising form of using special legal knowledge in all types of legal proceedings.

Keywords: special legal knowledge, legal expertise, forensic regulatory expertise, expert opinion, consulting activity of a specialist

For citation: Zaitseva E. A. In the development of Elena Rafailovna Rossinskaya's ideas about special legal knowledge. Forensic Examination, 8—19, 2024. (In Russ.).

Наука – самое важное,
самое прекрасное и нужное
в жизни человека.

А. П. Чехов

К специальным юридическим знаниям Елена Рафаиловна Россинская всегда проявляла научный интерес, так как эта проблематика лежит в плоскости разрабатываемой ею концепции судебно-нормативных экспертиз. Чтобы проанализировать в прогностическом аспекте указанное направление научного творчества Елены Рафаиловны, обратимся изначально к истории вопроса.

Феномен специальных познаний (или, как принято теперь говорить, – специальных знаний), их содержание и отличительные признаки всегда были дискуссионными в юридической науке, несмотря на, казалось бы, нормативную регламентацию этих нюансов в законах Российской Империи, Советского Союза и современной России, где прослеживается четкая преемственность в определении сфер знаний, которые признаются в уголовном процессе специальными.

Еще со времен создания Свода законов уголовных 1832 г. утвердилась знаковая нам формула об отдельных категориях лиц, сведущих в «какой-либо науке, искусстве или ремесле»¹, которая была дополнена в советское время зна-

¹ Цит. по: [1, с. 16].

ниями в «промысле или занятии»¹. Однако в 1922 г. в первом УПК РСФСР законодатель вновь вернулся к формулировке о специальных познаниях в науке, искусстве или ремесле², добавив в УПК РСФСР 1960 г. к отраслям специальных знаний и технику³ (в ст. 78 данного кодекса указывалось основание назначения судебной экспертизы со ссылкой на потребность в «специальных познаниях в науке, технике, искусстве или ремесле»).

Действующий Федеральный закон № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»⁴ в ст. 2 воспроизводит данный перечень отраслей знаний, следуя традициям отечественного законодательства. Следует при этом напомнить резонные критические высказывания В. Н. Махова по поводу восприятия специальных знаний как знаний в науке, технике, искусстве или ремесле, что он считал атавизмом, отражающим прежнее представление об уровне и сферах знаний, отнесенных к разряду специальных. Ибо, имея под собой научно обоснованные методики, экспертные исследования, консультации специалистов даже в области искусства или ремесла, по сути своей, зиждутся на специальных знаниях в науке (искусствоведении), что позволяет сузить наименование сфер специальных знаний до научных и технических [1, с. 44].

Федеральный закон № 73-ФЗ, распространяющий свое регулятивное воздействие на отношения, связанные с организацией и проведением судебных экспертиз в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве, играя роль межотраслевого федерального закона, *не упоминает юридические знания как специальные*. Такой же подход нашел отражение в ряде кодифицированных нормативных правовых актов, которые пошли по пути перечисления отраслей знаний, признаваемых специальными (ст. 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации⁵, ст. 26.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁶).

¹ См.: Положение о полковых судах. Утверждено декретом СНК РСФСР от 10 июля 1919 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг.: сб. док. / под ред. С. А. Голунского. М.: Госюриздат, 1955. С. 95.

² См.: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг.: сб. док. / под ред. С. А. Голунского. М.: Госюриздат, 1955. С. 193–195.

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁴ См.: О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее – Федеральный закон № 73-ФЗ.

⁵ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 22.07.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее – ГПК РФ.

⁶ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.07.2024, с изм. от 18.07.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее – КоАП РФ.

Однако Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ вообще умалчивает о сферах знаний сведущих лиц², что, по идее, позволяет расширительно толковать возможность привлечения по уголовному делу специалистов и экспертов в области права. Единственным ограничением для воплощения этой возможности в плоскость реальных правоотношений в рамках уголовного судопроизводства выступают правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ, который в постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28³ подтвердил ранее сформулированный в прежнем постановлении Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам»⁴ запрет ставить перед экспертом вопросы правового характера. Заметим, что разъяснение того, что следует считать таковыми, в обоих случаях дается описательным способом – через перечень в качестве примеров тех вопросов, которые касаются применения норм уголовного права, уголовно-правовой оценки деяния: «имело ли место хищение либо недостача, убийство или самоубийство» (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1), «имело место – убийство или самоубийство» (постановление ПВС РФ № 28). Однако Пленум Верховного Суда РФ в постановлении ПВС РФ № 28 попытался изначально определить сущность правовых вопросов, обозначив их как «вопросы, связанные с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда».

Отметим, что правовые позиции Пленума Верховного Суда РФ в этой части были уточнены и конкретизированы в редакции постановления от 29 июня 2021 г. № 22, которое дополнило п. 5 постановления ПВС РФ № 28 двумя новыми абзацами, поясняющими, что «перед экспертом не могут быть также поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи, поскольку в соответствии со статьей 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу»⁵, что если эксперт в своем заключении пытается давать юридическую оценку деяния или оценивать достоверность показаний допрошенных

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее – УПК РФ.

² Как, впрочем, и КАС РФ (Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 06.04.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ См.: О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2. Далее – постановление ПВС РФ № 28.

⁴ См.: О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16.03.1971. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лиц, то его заключение признается недопустимым доказательством с вытекающими из этого последствиями.

Сам подход Пленума Верховного Суда РФ в этой части, безусловно, видится верным: в судопроизводстве только лидирующие субъекты наделены властными полномочиями, в том числе полномочиями по оценке собранных по уголовному делу доказательств для использования их в правоприменительной деятельности по обоснованию процессуальных решений.

Однако обращает на себя внимание определенная «недосказанность» в позиции Пленума Верховного Суда РФ, который среди допрошенных по уголовному делу лиц, чьи показания нельзя оценивать эксперту, по какой-то причине не указал лиц, обладающих специальными знаниями: собственно специалистов и экспертов. В условиях состязательного судопроизводства, когда стороны инициируют назначение повторных экспертиз, когда защитник наделен полномочием привлекать специалистов (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), ситуации с допросами этих сведущих лиц становятся данностью, которую нельзя игнорировать. А коль в деле после допросов появляются показания лиц, обладающих специальными знаниями, возникает потребность в уяснении сути этих показаний – с опорой на специальные познания других сведущих лиц, если властные субъекты доказывания не обладают соответствующими компетенциями.

С учетом изложенного трудно однозначно прокомментировать «недосказанность» позиции Пленума Верховного Суда РФ: то ли это небрежность в подготовке проекта постановления Пленума со стороны Секретариата Пленума Верховного Суда РФ, то ли осознанный шаг, означающий, что запрет на оценку экспертом показаний допрошенных лиц не распространяется на случаи дачи показаний лицами, обладающими специальными знаниями¹.

Полагаем, что в условиях выявленной нами неопределенности в правовых позициях Пленума Верховного Суда РФ следует ожидать формирования устойчивой судебной практики, которая должна показать адекватный вариант разрешения данной ситуации, сориентировать правоприменителей на конкретную процессуальную модель в соответствии с интересами правосудия.

Продолжая анализ проблемы нормативного регулирования в отечественном законодательстве использования специальных юридических знаний, можно констатировать, что обращение к ряду законов, действующих в Российской Федерации, показывает отсутствие единообразного подхода к определению сфер специальных познаний и отнесению (неотнесению) к ним юридических знаний.

Так, в ст. 388 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенная экспертиза определяется как «исследования и испытания, проводи-

¹ Думается, подобная оценка экспертом (экспертами) показаний экспертов и специалистов может быть весьма востребована в уголовных делах, связанных с нарушением каких-либо технических правил (например, Правил дорожного движения, правил эксплуатации определенных видов транспорта), когда по уголовному делу в сложных случаях назначаются сначала первичные, а потом – повторные судебные экспертизы, и экспертам направляются материалы уголовного дела, включающие не только заключения первичных экспертиз, но и протоколы допросов экспертов, специалистов и другие процессуальные документы.

мые таможенными экспертами (экспертами) с использованием *специальных и (или) научных знаний* для решения задач, возложенных на таможенные органы»¹. Такая формулировка показывает, что для разработчиков комментируемого акта специальные и научные знания – это разные категории применительно к сведущим лицам.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает возможность привлечения арбитражных заседателей «в связи с особой сложностью дела и (или) необходимостью использования *специальных знаний в сфере экономики, финансов, управления*» (ст. 19)², что формально указывает на совмещение в одном субъекте и функции правосудия, и функции использования специальных знаний. Данная особенность может быть объяснена спецификой предмета арбитражного судопроизводства. Кроме того, представляется, что термин «специальные знания» в рассматриваемом случае использовался законодателем не в контексте реализации функции содействия правосудию посредством использования тех самых знаний, а именно как критерий отбора кандидатов в арбитражные заседатели и как основание для рассмотрения дела в коллегиальном составе с участием арбитражных заседателей. Закон однозначно ассоциирует деятельность арбитражных заседателей исключительно с отправлением правосудия: «4. Арбитражные заседатели принимают участие в рассмотрении дела и принятии решения наравне с профессиональными судьями. При осуществлении правосудия они пользуются правами и несут обязанности судьи. Арбитражные заседатели, участвующие в осуществлении правосудия, независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону» (ч. 4 ст. 1 Федерального закона № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации»³).

Применительно к проблематике деятельности арбитражных судов в 2014 г. Пленум Высшего арбитражного суда РФ вынес знаковое постановление № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»⁴, где четко сформулировал запрет постановки перед экспертом «вопросов права и правовых последствий оценки доказательств» (абз. 2 п. 8). Правовые позиции Пленума Высшего арбитражного суда РФ в этой

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019, с изм. от 18.03.2023) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 29.05.2024, с изм. от 20.06.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Далее – АПК РФ.

³ Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации: федер. закон от 30.05.2001 № 70-ФЗ (ред. от 28.11.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе: постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6. Далее – постановление Пленума ВАС РФ № 23.

части до сих пор востребованы в практике арбитражных судов¹, которые ссылаются в своих решениях на указанный запрет. Так, Арбитражный суд Волго-Вятского округа подверг критике поставленные судом перед экспертом вопросы, отметив, что «имеющийся между сторонами спор касается правильности примененной сторонами методики расчета размера мощности поставленной электроэнергии, что является вопросом применения норм права, носит исключительно правовой характер, не требует каких-либо специальных познаний. Выяснение указанных вопросов находится в исключительной компетенции суда, рассматривающего дело»². Сходные позиции судов выявлены и в постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 25 апреля 2019 г. № Ф02-730/2019, Ф02-1349/2019 по делу № А74-1161/2018, и в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 21 декабря 2023 г. № Ф03-5371/2023 по делу № А04-10447/2018, и в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 ноября 2022 г. № Ф04-6552/2022 по делу № А46-4607/2021³, и в ряде других решений.

Примечательно, что такой жесткий запрет на решение экспертом вопросов, относящихся к российскому праву, Пленум Высшего арбитражного суда РФ не распространил на зарубежное право, признав возможной ситуацию, когда «в целях установления содержания норм иностранного права суд может обратиться в установленном порядке за содействием и разъяснением в компетентные органы или организации, привлечь специалиста либо эксперта» (абз. 2 п. 8 постановления Пленума ВАС РФ № 23).

Еще интереснее решался и решается в современных условиях вопрос об участии в конституционном судопроизводстве лиц, обладающих специальными юридическими знаниями. Эта проблематика была предметом отдельного исследования Е. Р. Россинской, которая в своей известной работе, ставшей настольной книгой юристов по вопросам судебной экспертизы, подчеркивала, что в законе нет прямого запрета на производство правовых экспертиз [2]. Основным аргументом в части появления «нового рода экспертиз» – «судебно-нормативных экспертиз» – являлся «анализ практики рассмотрения дел в Конституционном Суде РФ», который «показывает, что во многих случаях в качестве экспертов вызываются высококвалифицированные юристы (доктора и кандидаты юридических наук), и на их разрешение ставятся вопросы сугубо правового характера, касающиеся трактовки и использования отдельных норм материального и процессуального права» [3].

¹ «Разъяснения по вопросам судебной практики применения законов и иных нормативных правовых актов арбитражными судами, данные Пленумом ВАС РФ, сохраняют свою силу до принятия соответствующих решений Пленумом Верховного Суда РФ» (ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 04.06.2014 № 8-ФКЗ).

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 14.05.2019 № Ф01-720/2019 по делу № А31-4916/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Действительно, до 9 ноября 2020 г. такая практика имела место и вытекала из специфики конституционного судопроизводства, в рамках которого решались вопросы права: соответствия или противоречия конституционным установлениям тех или иных норм отечественного права. Однако в Федеральный конституционный закон от 9 ноября 2020 г. № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации»¹ были внесены существенные изменения² в части ограничения возможности проведения правовых экспертиз. Следует подчеркнуть, что предыдущая редакция ФКЗ № 1 в ст. 63 прямо закрепляла правомерность проведения экспертизы в конституционном судопроизводстве «по вопросам, касающимся рассматриваемого дела», которые, естественно, носят правовой характер.

Безусловно, конституционный нормоконтроль априори предполагает анализ и толкование конкретных отраслевых норм на предмет их соответствия положениям Конституции РФ. Судьи конституционного суда, как правило, являются специалистами в определенной отрасли права, что не позволяет им в совершенстве охватить все нюансы различных отечественных (а иногда и зарубежных) нормативных правовых актов, тем более в условиях динамично развивающейся правовой сферы нашего общества. В связи с этим вполне закономерно и логично привлечь к конституционному производству экспертов-правоведов, являющихся признанными авторитетами в той или иной специфической юридической сфере. Таким образом, можно констатировать, что сам предмет конституционного судопроизводства диктует объективную необходимость в применении юридических знаний, что и отражала первоначальная редакция ст. 63 ФКЗ № 1, широко трактующая сферу специальных знаний привлекаемых экспертов-правоведов. Такой способ нормативного выражения позиции законодателя давал основание утверждать о правомерности производства данных юридических экспертиз, на что в свое время справедливо обращала внимание Е. Р. Россинская.

Тем не менее комментируемая норма, закрепленная в ч. 1 ст. 63 ФКЗ № 1, подвергшись корректуре 9 ноября 2020 г., приобрела сегодня совершенно иное звучание, утратив свой универсальный характер. Согласно новой редакции этой нормы не считается правомерным участие в конституционном судопроизводстве экспертов, имеющих специальные знания по правовым вопросам, связанным с отечественным законодательством: «В заседание Конституционного Суда Российской Федерации на основании решения Конституционного Суда Российской Федерации может быть вызвано в качестве эксперта лицо, обладающее специальными познаниями по вопросам, касающимся рассматриваемого дела, *но непосредственно не относящимся к сфере российского права* (выделено нами. – Е. А. З.)».

По сути, новая редакция ст. 63 ФКЗ № 1 в этой части по своему смысловому содержанию совпадает с правовыми позициями, отраженными в ранее проанализированном нами Постановлении № 23 ВАС РФ.

¹ См.: О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 29.07.2018) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447; Собрание законодательства РФ. 30.07.2018. № 31. Ст. 4811. Далее – ФКЗ № 1.

² См.: О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: федер. конституц. закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ // Рос. газ. 2020. № 253. 11 нояб.

Обращение к тексту пояснительной записки законопроекта № 1024643-7, который потом увидел свет в качестве Федерального конституционного закона от 9 ноября 2020 г. № 5¹, скорректировавшего данную ст. 63, не позволяет выявить реальные мотивы разработчиков данной нормы, решивших ограничить сферу правовых специальных познаний исключительно знаниями в области международного права и права иностранных государств. Сам проект был разработан «в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“». Каким образом использование специальных познаний экспертов в области отечественного права противоречило обозначенному в упомянутом № 1-ФКЗ от 14 марта 2020 г. «совершенствованию» – остается загадкой.

С точки зрения интересов судопроизводства и технологии обоснования судебных решений вряд ли можно признать подобное ограничение оптимальным. Оно предусматривает значительно большие требования к объему и глубине правовых знаний судей Конституционного Суда РФ, которые теперь не могут официально обращаться к подобным экспертам в области российского права². Оно также существенно снижает возможности отстаивать свои интересы в конституционном судопроизводстве лицам, обратившимся с жалобой на неконституционность той или иной отечественной нормы (или неконституционность толкования ее на практике правоприменителями), если эти лица для обоснования своей жалобы желают получить заключение правовой экспертизы.

Таким образом, исходя из перечня, содержащегося в ч. 1 ст. 3 ФКЗ № 1 и подвергнутого корректировке, в современных условиях эксперты по вопросам права могут быть вовлечены в конституционное судопроизводство только для правовых экспертиз, касающихся норм международного права и права иностранных государств – подп. «г» п. 1, п. 3.2, п. 3.3 ч. 1 ст. 3 ФКЗ № 1 (т. е. не касающихся «сферы российского права»).

Что означает данный тренд (напомним, он проявляет себя и в конституционном, и арбитражном судопроизводстве) для судьбы «судебно-нормативных» экспертиз³?

Полагаем, что *сужение сферы применения правовой экспертизы в судопроизводстве действительно становится трендом, отражающим объективные процессы информатизации всех видов отечественного судопроизводства.*

¹ Паспорт проекта Федерального конституционного закона № 1024643-7 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О Конституционном Суде Российской Федерации“» (в части приведения в соответствие с положениями Конституции Российской Федерации). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Что, кстати, не исключает внепроцессуальные консультации с такими экспертами-правоведами.

³ На разрешение данных экспертиз, по замыслу Елены Рафаиловны Россинской, должны ставиться вопросы, направленные на установление фактических данных «путем исследования с использованием специальных знаний нормативных и нормативно-технических актов. К таким экспертизам уже фактически относятся нормативно-налоговые, нормативно-экологические, нормативно-землеустроительные экспертизы, экспертизы, связанные с приватизацией, и др.» [3].

Информатизация, использование справочно-правовых систем, базы которых постоянно обновляются, расширяются, обогащаются перекрестными ссылками, дополнительными материалами правоприменительной практики, – эти явления в совокупности с возможностями искусственного интеллекта позволяют судьям и работникам суда (тем же помощникам судей, готовящим проекты правоприменительных решений) получать актуальную правовую информацию и ретроспективный обзор нормативных правовых актов в любой сфере отечественного права¹. Имея в своем распоряжении такие справочно-правовые базы, любой помощник судьи может без помощи эксперта-правоведа найти необходимую редакцию закона или подзаконного акта, подлежащего применению в тот или иной период, относящийся к рассматриваемому событию. И потребность в правовой экспертизе по вопросам российского законодательства практически отпадает, в отличие от правовой экспертизы, касающейся норм международного и иностранного права (по причине отсутствия аналогичных справочно-правовых баз в доступности для отечественного правоприменителя).

Означает ли это, что специальные юридические знания в области российского законодательства со временем станут совершенно ненужными в судопроизводстве? Полагаем, что нет. Всегда может возникнуть потребность в консультации специалиста по вопросам права, особенно когда «речь идет о ситуациях, когда то или иное положение закона вызывает доктринальные споры или возникает, допустим, потребность в толковании норм смежных отраслей права» [4], что подталкивает стороны процесса «привлекать для подтверждения своей позиции носителей тех доктринальных правовых знаний, которые не обязательно известны суду, но могут быть ему полезны при рассмотрении дела» [4]. О такой практике мы ранее писали применительно не только к своему опыту десятилетней давности [5, с. 33], но и анализируя судебную деятельность доцента кафедры уголовного процесса ВА МВД России Ю. В. Манаева (бывшего судьи районного суда г. Таганрога), который еще в 70-х гг. прошлого века консультировался по сложным юридическим вопросам у известных ученых-правоведов (например, у профессора И. Д. Перлова), не оформляя эти консультации процессуально [6, с. 196], так как законодательству в то время не было известно такое доказательство, как заключение (консультация) специалиста.

Наличие таких доказательств, как заключение специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), консультации специалистов (ст. 87.1 АПК РФ, ст. 188 ГПК РФ), пояснения специалиста (ч. 3 ст. 25.8, ч. 2 ст. 29.7 КоАП РФ), – это легальные формы вовлечения в правоприменительную деятельность специальных юридических знаний, что не снимает с лидирующих субъектов судопроизводства ответственности за принятие по делу тех или иных решений, основанных на учете мнения специалистов-правоведов.

Что же касается судьбы судебно-нормативных экспертиз, то, полагаем, со временем вопросы, относящиеся к нормам отечественного права, постепенно исчезнут из текстов постановлений (определений) о назначении соответствующих экспертиз, и судебная практика будет формироваться единообразно в этом направлении.

¹ Существуют и «закрытые» правовые базы с ведомственными нормативными правовыми актами ограниченного доступа.

Список источников

1. Махов В. Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Москва: Изд-во РУДН, 2000. 296 с.
2. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. Москва: Проспект, 2011.
3. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. Москва: Статут, 2016. 1278 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Зайцева Е. А. Судебная правовая экспертиза: de jure и de facto // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2014. № 3. С. 27–33.
6. Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2008. 717 с.

References

1. Makhov V. N. The use of knowledge of knowledgeable persons in the investigation of crimes. Moscow: Publishing House of RUDN; 2000: 296 (In Russ.).
2. Rossinskaya E. R., Galyashina E. I. The judge's handbook: forensic examination. Moscow: Prospekt; 2011. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).
3. Rossinskaya E. R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Monograph. 4th ed., repr. and add. Moscow: Norma: INFRA-M; 2018. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).
4. The course of the criminal process. Ed. by L. V. Golovko. Moscow: Statute; 2016: 1278. Available from: reference and legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).
5. Zaitseva E. A. Judicial legal expertise: de jure and de facto. Bulletin of the O. E. Kutafin University, 27–33, 2014. (In Russ.).
6. Zaitseva E. A. The concept of the development of the institute of forensic examination in the context of adversarial criminal proceedings. Dissertation of doctor of juridical sciences. Moscow; 2008: 717. (In Russ.).

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса по предварительному
следствию в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор;
zaitceva-expert@rambler.ru

Zaitseva Elena Aleksandrovna,

professor at the department of the criminal process
of the training and scientific complex
of the preliminary investigation in the law-enforcement bodies
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, professor;
zaitseva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 14.08.2024; одобрена после рецензирования
02.09.2024; принята к публикации 03.09.2024.

The article was submitted 14.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted
for publication 03.09.2024.

* * *